

Марина КРЮКОВА сравнительно недавно вошла в среду магнитогорской интеллигенции — она актриса драматического театра имени Пушкина. Ей 30 лет. Духовную культуру ее формировал город Новосибирск...
Актёры — народ эстетический и образованный. В их репертуарах — тексты от древнегреческого Эсхила, средневекового Шекспира и до современного Чехова.
В стихах Марины присутствует тонкое поле эстетики, наследующее мировую культуру. Знакомьтесь. А если понравится — приходите на спектакли с ее участием.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Римма Дышаленкова

Марина КРЮКОВА

«И птицам небо не дается без взмаха сильного крыла»

Может это во сне?
Тень моя на стене.
Я — у белой панели.
Где-то там в глубине
прорастает во мне
куст сирени.
— Веришь?
— Совсем не верю!
— А весна все равно пришла:
снова взломлены двери,
ограблена улица...
— А на белой панели
нарисована курица!
Что может быть бессмысленней?
Когда без мысли, линией
проходит жизнь павлиния.
— Мне милые уже не милые.
Зачем им руки сильные?
Сиреневые саженцы
растут во мне, растут!
Количество — величество...
Распнут меня, распнут!

Забаяканная в лепестках
самых сдержанных ароматов,
шутка, скользящая в полусловах,
дыра, сквозящая в полудатах
Любовь моя — моя любовь!
Неповторимой быть ей хочется:
как белка крутит колесо
и как котенок в руки просится?

Предпочитает... Но никак
довольствоваться не желает.
И ночью просит мармелад,
а утром небо обнимает.

Любовь моя — старинный шрам,
который еще болит...
И день и ночь волнует меня...
Очарованный я инвалид.

Вот здесь, на этом месте,
где я сижу на стуле у окна,
я не спую тебе о Ливерпуле...
Я не спую о Ливерпуле никогда.
И что мне петь о Ливерпуле,
когда я здесь сижу на стуле.
Я видела его... во сне:
у Ливерпуля баки золотые,
у Ливерпуля синие глаза,
у Ливерпуля ночи длинные... пустые,
у Ливерпуля... пуля, пуля в никуда.
За ваше никогда!
Спасибо Ливерпулю!
Я может быть пойму,
а может поняла:
что я сижу на стуле,
и нету Ливерпуля,
и нету Ливерпуля...
А я сижу на стуле,
на стуле у окна!

От меня уходит нежность.
Гром. И молния сверкает.
От меня уходит нежность.
Нет. Скорее отлетает.
Асфальтированной тропкой,
не меняя направления,
ускользает моя нежность
в переулочек грозовой.

Чтобы залпом, как салют,
снова впитаться под ресницы,
и дождем соленым литься
на тропинку, лес и лица
(Не хотите ли напиться?
Не хотите ли умыться?
Не хотите раствориться?)
И дуэль не состоится.
Разоренная столица,
что под левою рукой,
не захочет больше биться
под предавшею страной.
И дуэль не состоится
между мною... и собой.
Смотрит лампочка в проем
между «я» и «мы вдвоем».

Вспомни меня:
потертая скатерть,
блестит бахрома,
утепленная в свитере.
Улыбнись — это я
в окружении круга...
Здесь и там... все друзья.
В довершенье испуга...
В раздражении дня.
Лица смывать и влиты
в маски добрых волчат.
Вспомни наш необщительный
пионерский отряд.
Песни спеты и вьются
в стены и потолок.
Дни ночами раздеты,
черно-белый лубок.
Испытал воспитание —
получи голубков,
вспомни наши свидания
в темноте чердаков.
Приходящие мысли,
как надежный залог.
Наши жизни повисли
на плечах у дорог

Мне и грустно, и весело, и смешно.
Все пройдет, все проходит.
Все прошло...

Застывает в октябре
острым перышком дождь в окне.
И качается на фонаре,
словно на колокольне,
замороженная луна.
Она выпала из гнезда.
У меня пуста рукава...
У меня за спиной два крыла...
Два крыла, два больших крыла
бьют сегодня в колокола.
И звенит высоко в пространстве
колокольное постоянство.

Мне очки всегда помеха:
словно льдины половинки —
трещина, а там за льдом
две могилы. Здесь мой дом.
Здесь жила, живу, живьем...

Я питаюсь маргарином,
будто лампа керосином.
Ненакормленный мой свет
свету нужен или нет?

Точно камень в простыне,
родина в моем окне.
Покоробленная гладь
всем мешает сладко спать.
И на маленькую страсть
есть всегда большая власть.

Я устала. Я — Марина.
Обливаюсь керосином.
Разжигаю свой пожар...
И всегда чего-то жаль.

Маюсь, маюсь, как в часах
мается кукушка,
отбивая каждый час
собственной макушкой.
Циферблат двенадцать раз
выпускает стрелы...
Вот и ночь стоит в окне
на одном колене.
Приближается суббота —
долгожданный выходной.
День рассеянный и что-то
покрывающий собой.
На моих часах намек

на убийство суток.
Показаний не дает
птичий мой рассудок.
И встают на каблучки
в моих мыслях бардачки.
Топают, топают, топают
и в ладоши хлопают, хлопают...
На стене качаются
тени собеседников,
так идет мой дела,
гладенько да реденько.

Долюбить бы эту осень
в нераскрытое окно.
Мной покинутые восемь
месяцев. На полотно
брызги старой акварели
упадут,
и печально скрипнут двери —
позовут.
Степь разлуки. Снова руки
обними и обогрей.
Меня взяли на поруки
стаи серых журавлей.
Долюблю под облаками,
ну а там — прости, прощай.
Улечу за журавлями
в никуда — далекий край.

Ночь — черный галстук под воротником
следящего за внешностью мужчины,
затянута под белым потолком,
запутана и в складках, и в морщинах,
оставленных бессонницей.
Я нарисую точку на стене
и дальше: раз, два, три, четыре, пять...
Меня ищи за дверью, в уголке,
я тоже выйду поискать...
Игра с бессонницей.
Я буду жить, как птица, высоко.
Я не вернусь обратно — некогда.
Луна на небе. Совесть глубоко
мечи вонзает в черноту окна.
Смотри! Бессонница...
И непонятный никому
прощенья просит гость в моем доме.
Прости, бессонница...

И птицам небо не дается
без взмаха сильного крыла.
И птица в небе остается,
коль птицей мама родила.

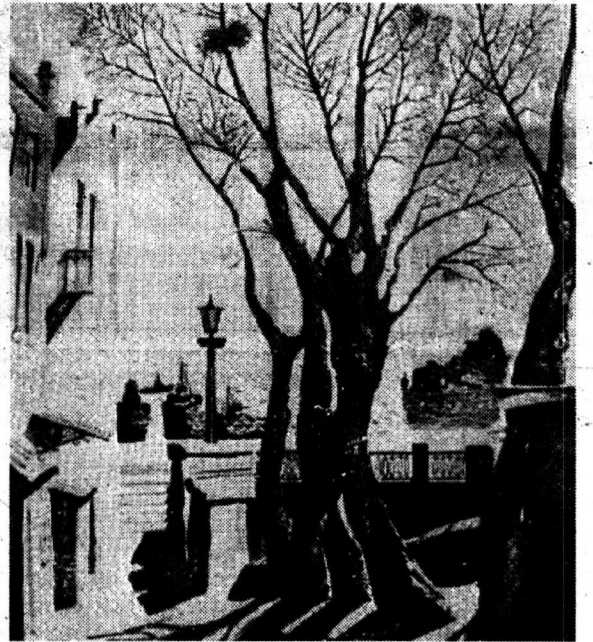
Они плывут: стрела на компасе,
плывет и крыша дома моего,
плывет стена, плывут автобусы,
что подвозили как-то до метро.
Плывет январь с отпетым праздником.
Уехал друг! С моим шестым...
А я с оставшимся, седьмым,
но чувством умным и большим.
Храню его за пазухой...
И называю зайчиком моим...

Пал снег с небес.
Пал подле нас.
Если б умер Бес,
он бы нас спас?

Пал снег с небес.
Пал подле глаз.
Если б спас Бес,
он бы погубил нас.

Пал снег с небес.
Пал в глубь дня.
Первый день воскрес
о тебе и для...

И опять закат захлопнул
двери в сад манящий.
Замер сколотый на колья
с неба свет летящий:
не успев прояснить темноты,
в темноте разоблачить пустоты.
Только стены расшатал — я на дне,
только тени на крутом потолке.
Это только на минуту —
подставляя ладони.
Ночь пройдет, и я забуду
о закрытом доме.
Это только огорченье —
выскользнуло и горчит.
Всех сомнений повторенье

разве вылечит?
Это только шутка чья-то
отказалась шуткой стать.
Трудная была загадка,
мне ее не разгадать.
Стены, стены, стены!

Падайте!

Больше дом не живет в памяти.

Записка

Я снова здесь. Улыбка рождена.
Мне примиренье стоило глотками
испитого до дна — одна,
и брошенного в угол ожидания.
Завинченные пробкою на горлышке
фантазии свои освобожу.
Пусть чистят перышки мои воробушки,
мои посланники календарю.
Мои спокойные обманщики...
Хитрить со мною так легко.
Срываю стрелочки, ломаю пальчики.
Пуст циферблат. Смотри в окно.
Я снова здесь. Наверно полночь.
И фонари, исполнив волю чью-то, спят.
И только бабочки, и только бабочки
на свет погасший медленно летят.
Я обещаю примиренье, но не приду.
До воскресенья!

Что если жизнь отпустить,
как старую лошадь в поле —
прощаться?

Что если жизнь выбросить,
как перчатку в лицо —
стреляться?

Что если жизнь заложить,
как мину под рельсы — дожждаться?
Что если жизнь скормить,
как пирог новогодний — на счастье?
Что если жизнь не прожить —
оставить на завтра?
Так быть или не быть?
Пройдено, но непонятно.

К далеким перекресткам
надежд разбуженных
несу себя в авоське,
как пряник к ужину.
Все снова начинается!
Все вновь приглашены!
Берите, разрешается,
отведайте стряпни.
По сладкому кусочку
всем, всем со всех сторон!
Медовые сердечки
несите к себе в дом.
Конечно же, поверится
во что-нибудь опять.
Конечно же, изменится
и повернется вспять.
Конечно же, простится,
оплачется дождем.
И может быть востановится
в семейный ваш альбом?

Дождь льет и льет над домом.
Уж сколько дней он бесполезно льет.
Он море бы тебе налил.
До моря столько километров,
столько ветров, сил.
А там у моря тебе не будет горя.
У моря нету боли.
А там у моря — воля.
А там у моря абрикосы
оранжевой каймой крадутся
по зыбкому песку. Колеса
у моря вязнут — остаются
кабриолеты и кареты,

и сыто лето.
Там гриву белую, морскую, пенную
ласкают скалы высокомерные.
А воздух сладкий, как сироп.
Там не вдыхается, а пьется.
И там у моря не краснеет стыд.
Там души разливаются в бокалы.
Тебе ли там у моря жить?
Тебе дежать у моря, Анна...